

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» В РЕЦЕПЦИИ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЮДВИГА ПИЧА

С.П. Минина

I.S. TURGRNEV'S NOVEL "FATHERS AND CHILDREN" IN LUDWIG PITCH'S RECEPTION AND LITERARY-CRITICAL INTERPRETATION

Minina S.P.

The author of the article investigates the conception of the critical paper by the famous German literary man of the 19th century L. Pitch devoted to the I.S. Turgenev's novel "Fathers And Children", where he for the first time expressed the thought about two plans of the novel and the combination of the historical and the metaphysical in it.

Автор статьи исследует концепцию критической статьи известного немецкого литератора XIX в. Л. Пича о романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», в которой впервые высказана мысль о двуплановости романа и соединении в нём конкретно-исторического и метафизического.

Ключевые слова: критика, интерпретация, художественная правда, двуплановость романа, историческое, метафизическое.

УДК 82.09-31

В письме от 3 (15) января 1869 года к своему другу, немецкому литератору, критику Карлу Адольфу Людвигу Пичу (1824-1911) И.С. Тургенев сообщил о готовящемся в Риге издании его избранных произведений, первый том которых должен был открыть роман «Отцы и дети»: «В городе Риге есть один чудак-издатель, который во что бы то ни стало желает издать мои «Избранные сочинения». Он предлагал начать «Отцами и детьми» и обратился по этому поводу ко мне. Я рекомендую ему перевод этого романа, вышедший в Штутгарте и известный мне только понаслышке как очень удачный. Он приобретает этот перевод и посылает его мне в качестве наборного экземпляра для просмотра – с просьбой переслать его затем в типографию в Рудольштадт. Я начинаю пересмотр – и нахожу, что перевод (с французского, конечно) очень неудовлетворителен... Если рижский издатель (этот идеал именуется Э. Бере) обратился к Вам – назначьте ему свои условия – потому что *gratis pro Deo*... – Вы этого делать не должны» (1, П. VII, с.273, 422) (В 1924 г. в издательстве «Френкель» вышла книга «Письма Тургенева к Людвигу Пичу 1864 – 1883», в которую вошли 122 послания русского писателя к немецкому литератору и 25 рисунков Л. Пича.).

И.С. Тургенев получил от Л. Пича согласие сделать корректурную правку романа на немецком языке. Отношения между литераторами отличались глубоким взаимопониманием и доверием к эстетическому чув-

ству друг друга. Благодаря постоянному личному общению с И.С.Тургеневым, которое длилось более 20 лет, Л. Пич, в отличие от других зарубежных критиков, верно понимал авторскую позицию и умел максимально точно выразить её в своих рецензиях на произведения русского писателя. Обсуждение с И.С. Тургеневым романа «Отцы и дети», переведённого на французский, немецкий языки, его правка и подготовка изданий в Германии позволили Л. Пичу приблизиться к истинному, глубинному толкованию философского и культурно-эстетического содержания произведения. В письме к Т. Шторму от 17 января 1864 г. Л.Пич говорил о духовном родстве с И.С. Тургеневым: «...Я вновь почувствовал, как сильно я его люблю и как он мне душевно близок. Столько импозантной величавости, сколько нежности и привлекательности в сочетании с такой силой, с такой восприимчивостью и чуткостью я едва когда-нибудь встречал» (15, с. 583).

И.С. Тургенев также высоко ценил литературный талант Л.Пича. «Стилистически вы колорист, суждение ваше тонко и метко...», – писал Иван Сергеевич немецкому критику, приславшему в подарок писателю свои статьи о берлинских скульпторах (1, П. VII, с. 347, 435).

В процессе работы над изданием «Избранных произведений» И.С. Тургенева Л. Пич высказал писателю своё желание написать рецензию на роман «Отцы и дети». И.С. Тургенев принял это предложение и просил дать отзыв «сдержанный и строгий» (1, П. VIII, с. 38, 339), но при этом выразить в нём «недоумение и удивление по поводу того, что молодое русское поколение восприняло образ Базарова как обидную карикатуру, как клеветнический памфлет» (1, П. VIII, с. 38, 340).

В письме от 22 мая (3 июня) 1869 г. Тургенев сообщил другу о своем намерении включить отрывки из рецензии в «Литературные воспоминания»: «Если Вы пожелаете исполнить мою просьбу, то сделайте это поскорее, чтобы перевод наиболее важных мест этой рецензии я мог добавить к моим литературным воспоминаниям, которые

должны скоро выйти» (1, П. VIII, с. 38, 340). Л. Пич исполнил просьбу писателя: уже в следующем письме И.С. Тургенев благодарил немецкого критика за проделанную им работу: «Мой дорогой друг, спасибо Вам за быстрое исполнение моей просьбы: статья в «Vosische Zeitung» в 1000 раз лучше, чем требуется – нужное место я уже использовал» (1, П. VIII, с.47, 341).

В своей работе И.С. Тургенев ссылался на иностранных критиков, которые «не могут понять беспощадных обвинений, возводимых <на автора> за Базарова» (2, с. 39). Указания Ивана Сергеевича на «Vosische Zeitung», дату выхода в ней статьи по поводу «Отцов и детей», открывавшей рижское издание «Избранных произведений» И.С. Тургенева, дают основание утверждать, что это была рецензия Л. Пича, имя которого в своей работе писатель не упомянул.

Статья Л. Пича, посвящённая роману И.С. Тургенева «Отцы и дети», была напечатана 10 июня 1869 года в «Vosische Zeitung» (№ 132, с. 3-4). Эта рецензия в европейской печати была очень важна для И.С.Тургенева. «Из-за Базарова забросали меня таким количеством грязи и гадостей (и продолжают забрасывать), – писал Иван Сергеевич другу в июне 1869 г., – так много оскорблений и ругательств пало на мою голову, обречённую всем духам ада (Видок, подкупленный Иуда, дурак, осёл, гадина, плевательница – это самое меньшее, что обо мне говорилось) – для меня было бы удовлетворением показать, что другие нации смотрят на это дело совсем иначе» (1, П. VIII, с. 38, 340).

Появление в России романа «Отцы и дети» сопровождалось самыми разнообразными откликами – от восторженных до беспощадных, даже пародийных, в 1860-е годы он стал объектом идейной и политической борьбы между различными общественными и литературными журналами. В марте 1862 г. в «Русском вестнике» вышли статьи М.Н. Каткова «Роман Тургенева и его критики» и «О нашем нигилизме (по поводу романа Тургенева)», в которых автор утверждал, что «Отцы и дети» ничем не отличаются от целого ряда антинигилистических романов других писателей. В мартовских номерах

ведущих демократических журналов «Современник» и «Русское слово» появились рецензии М.А. Антоновича и Д.И. Писарева. Автор статьи «Асмодей нашего времени» М.А. Антонович утверждал, что «новое произведение г. Тургенева крайне неудовлетворительное в художественном отношении» (4, с. 44). Д.И. Писарев же подчёркивал общественную чуткость художника и эстетическую значимость романа. Ф.М. Достоевский высоко оценил роман «Отцы и дети» и трагическую фигуру «тоскующего и беспокойного Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (9, с.59). Как известно, сам И.С. Тургенев отзыв Ф.М. Достоевского считал наиболее адекватным авторскому замыслу: «Любезнейший Фёдор Михайлович, мне нечего говорить Вам, до какой степени обрадовал меня Ваш отзыв об «Отцах и детях»...Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от удовольствия. Точно Вы в душу мою вошли и почувствовали даже то, что я не счёл нужным вымолвить...» (1, П. IV, с. 358). Но письмо великого современника, в котором была дана глубокая и точная оценка романа «Отцы и дети», утрачено и не обнаружено до сих пор. В журнале «Время», издаваемом Ф.М. Достоевским и М.М. Достоевским, вышла статья Н.Н. Страхова, в которой критик в понимании тургеневского романа по некоторым вопросам соглашался с мнением Д.И. Писарева.

Статья Л. Пича была напечатана в 1869 г., когда волна рецензий на роман И.С. Тургенева спала. Работы М.А. Антоновича, Д.И. Писарева, Н.Н. Страхова появились сразу после выхода произведения в свет. Критические статьи, написанные позже, во многом только доказывали уже высказанные ранее позиции по основным спорным вопросам. Дата появления в печати рецензии Л. Пича и её положения свидетельствует о том, что немецкий литератор знал основное содержание полемики вокруг романа «Отцы и дети».

Однако статья немецкого литератора полностью на русский язык тогда не была переведена, и русский читатель не получил

возможности познакомиться с оценкой романа в европейской критике, во многом отличавшейся от отечественной (Статья на русском языке напечатана во втором томе Тургеневского сборника Материалов к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева 1966 г. в переводе Г.Ф. Перминова.). И если учесть, что письмо Ф.М. Достоевского с отзывом о романе «Отцы и дети» утеряно, тем большее значение для осмысления философского и культурно-эстетического содержания произведения И.С. Тургенева приобретает статья Л. Пича: ведь И.С. Тургенев считал наиболее верными оценки именно этих своих корреспондентов.

В «Воспоминаниях» о русском писателе Л. Пич высказал свои эстетические принципы, с позиции которых он рассматривал всё творчество И.С. Тургенева, в том числе и роман «Отцы и дети». Это прежде всего «серьёзное, благоговейное отношение к делу, неподкупная любовь к правде, откровенность и строгость художественной совести...» (3, с. 90).

Верность жизненной правде была одним из основных методологических принципов немецкой литературной критики середины XIX в. Реализуя этот принцип в анализе романа «Отцы и дети», Л. Пич прежде всего отмечал высокореалистичную художественную манеру И.С. Тургенева, критик писал, что «писатель живо почувствовал» и отразил с «ясностью и обоснованностью...эпоху внутреннего развития его родины» (12, с. 165). Но от внимания критика не ускользнуло и то, что трагизм социального и политического столкновения рассматривался автором романа с философских позиций, в плане осмысления «вечных» вопросов бытия, смены поколений и преемственности культурных и эстетических ценностей.

«Вопрос о смысле человеческого существования, – утверждает Ю.В. Лебедев, – здесь <в романе “Отцы и дети”> поставлен с предельной остротой: речь идёт о трагической природе прогресса, о страшной цене, которой он окупается. Ставится под сомнение атеистический, позитивистский идеал

социализма, ограничивающийся стремлением к “хлебу земному”, к материальному процветанию. Этот идеал не даёт ответа на глубокие запросы человеческого духа, не согласуется с высокими нравственными требованиями. Кто оправдает человеческие жертвы, которые совершаются во благо грядущих поколений? Имеют ли нравственное право будущие поколения цвести и благоденствовать в белых избах, предав забвению тех, чьими жизнями куплена им эта “гармония”» (11, с. 443). Писатель отразил в романе события, имеющие непреходящее, всемирно-историческое значение, что в своей статье отмечал и Л. Пич: «...Роман с ясностью и обоснованностью отражает, в чём Тургенев достиг многого, – это та достопамятная эпоха внутреннего развития его родины, которая началась в 59 году: великая революция – отмена крепостного права – совершена, и широко и глубоко зияет разрыв между прошлым и будущим России. Идеи бродят, старшее поколение чувствует, что привычная почва качается под ногами, но для молодого поколения, для его дум и желаний, кажется, больше нет ограничений и оков...» (12, с. 165).

В отличие от русских критиков, говоря о цели, поставленной писателем в романе, Л. Пич утверждал, что И.С. Тургенев не стремился показать «выступавшие тогда крайние противоположности в их представителях» (12, с.165), что «Отцы и дети» – это роман о смене поколений не в житейско-бытовом, а философском понимании, смене, которая от начала развития человеческой цивилизации происходит всегда не безболезненно. Но, что важно, в рецензии немецкий критик в противовес отечественной литературно-критической традиции говорит об отсутствии в произведении антагонистического противопоставления «отцов» и «детей». Л. Пич, верно понимая художественный метод писателя-философа, нисколько не умалял, как и сам автор романа, достоинств «отцов», которые «ещё не менее десятилетия тому назад были едва ли не лучшими, их считали бунтарями и опасными личностями» (12, с. 165). Они были современниками Пушкина, Лермонтова, Гоголя, «искренними

ценителями искусства и поэзии». Но каждому поколению приходится пройти через жертвы и потери, которые требуют от них неумолимо наступающее время прогресса, и «тем самым поощрить к действию лучшие силы общества»: «Братья Кирсановы, холостой и вдовец, пресыщенный, разочарованный светом и жизнью, рефлексирующий желчный Павел и кроткий печальный Николай, ...движимый лучшими чувствами, “держатся на высоте своего времени”, – они уже, сами того не зная, давно устарели, давно старики, романтики, пригодные для чулана в глазах молодых студентов: Аркадия, сына Николая, и его друга, медика Базарова – “нигилиста”» (12, с. 165).

Как художник и философ, И.С. Тургенев наблюдал жизнь представителей молодого поколения 1860-х гг., изучал их взгляды и запросы, сильные и слабые стороны. «...Одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общение со средой, которую берёшься воспроизводить; нужна правдивость неумолимая в отношении к собственным ощущениям», – писал И.С. Тургенев в статье «По поводу “Отцов и детей”» (3, с.39). Писателя Базаров интересовал прежде всего как особая точка зрения на мир и на самого себя, противопоставить которой автор может лишь один объективный мир – «мир других равноправных с ним сознаний» (6, с. 63). Для решения этой задачи в «Отцах и детях» используется диалог как одна из форм раскрытия характера в философско-психологическом романе. Через диалоги главных героев – «отцов» и «детей», по мнению Л. Пича, происходит понимание этого противоборства поколений в романе, а также осмысление основных теоретических положений нигилиста Базарова. В диалогоспоре с П.П. Кирсановым ярко выразился базаровский бескомпромиссный максимализм, отвергающий многие духовные ценности человечества, которые объединяют людей и наполняют их жизнь смыслом. Основное содержание конкретно-исторического конфликта, отражённого в романе «Отцы и дети», Л. Пич видел прежде всего в противоборстве разных мироощущений: метафизического, свойственного в большей степени

«отцам», и позитивистского, отличающего Базарова, представителя нового поколения.

Главную черту героя-нигилиста – беспощадное отрицание – Л. Пич характеризовал как протест против «всего, что существует»: «Он <Базаров> выступает со всей враждебной ненавистью, со своим циничным презрением – как против форм отношений, так равно и против искусства, поэзии и того, что называют показной любовью» (12, с. 166). Критик отмечал рационалистический характер нигилизма, в европейской философии рассматривающийся «в качестве единственного основания человеческого бытия и движущей силы прогресса» (13, с. 570). Нигилизм Базарова, по мнению Л. Пича, следует воспринимать и как один из способов выражения внутренней свободы героя и неприятия существующего миропорядка, так как «в истоках нигилистического сознания лежит идея абсолютного, ни с чем не сравнимого достоинства личности» (13, с. 569). Критик видел силу характера Базарова в его полной свободе «от всех мелочей, тривиальностей, лени, дремоты и лжи» (12, с. 166). Внутренняя логика нигилизма неизменно ведёт к свободе личности, а это единственная попытка изменить мир, переосмыслить исторические и человеческие ценности.

Слову «нигилизм», которым критики обозначили протест героя, придавали разное значение, пытаясь определить природу и происхождение понятия. М.Н. Катков считал его явлением, пришедшим в Россию с Запада. Н. Бердяев – как истинно русское: «Он <русский человек> легко отказывается от науки и искусства, от государства и хозяйства, бунтует против установленных связей и устремляется в царство неведомого, в неведомую даль» (7, с. 107).

И.С. Тургенев так объяснил появление в романе слова «нигилизм»: «Не в виде укоризны, не с целью оскорбления было употреблено это слово; но как точное и уместное выражение проявившегося – исторического – факта...» (3, с. 38).

Герцен в статье «Ещё раз Базаров» понимал под нигилизмом пробуждение мысли, критическое отношение к действительности. Многие историки, философы, учёные при-

знавали положительную роль нигилистов 60-х гг. в истории русского общества: «В эпоху нашего обновления молодая интеллигенция была проникнута скорее пламенной верою, чем огульным отрицанием. Нигилисты горячо верили в всесильное значение естественных наук, в великую силу просвещения...» (8, с. 230).

В «парижской рукописи» романа «Отцы и дети» И.С. Тургеневым по настоянию редактора «Русского вестника» М.Н. Каткова был зачёркнут текст – единственная характеристика созидательной стороны в нигилизме 1860-х гг.: «Надо, разумеется, начать с уничтожения всего старого – и мы этим занимаемся помаленьку. Вы изволили видеть, как сжигают негодную прошлогоднюю траву? Если в почве не иссякла сила – она даст двойной рост». В этих словах Базаров выражал сознание своей ответственности перед будущими поколениями: “старое” предполагалось уничтожить не огулом, не без разбора, а лишь убедившись в том, что “почве” это принесёт пользу, что после уничтожения “старого”, отжившего она окажется в состоянии дать “двойной рост”» (1, Соч. VIII, с. 579).

Мировоззрение и творчество И.С. Тургенева развивалось не в плане «чистого» отрицания; писатель стремился в своём романе избежать крайностей как в отношении «отцов», которых, как многим казалось, автор подверг осмеянию, так и «детей», в частности Базарова, нового героя в русской литературе, представителя молодого поколения 1860-х гг.. В статье «По поводу “Отцов и детей”», вошедшей в «Литературные и житейские воспоминания», И.С. Тургенев, отвечая критикам на вопросы о симпатиях и антипатиях автора в романе, писал: «Личные мои наклонности тут ничего не значат; но, вероятно, многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений Базарова на художества, – я разделяю почти все его убеждения. А меня уверяют, что я на стороне «отцов»... я, который в фигуре Павла Кирсанова даже погрешил против художественной правды и пересолил, довёл почти до карикатуры его недостатки, сделал его смешным»

(З, с. 35).

Реализованная в романе «Отцы и дети» идея отрицания старого, отжившего и утверждение нового, прогрессивного, выработанная И.С. Тургеневым на основе гегелевского закона отрицания отрицания, имела огромное историческое значение не только для развития России, но и значение всемирно-историческое, на которое указывал в своей статье немецкий критик. «Настоящее, умирая, сходя с исторической сцены, самоотрицаясь, передаёт будущему своё положительное содержание и таким образом остаётся вечным и нетленным, лишь обогащается в веках. Так, по мысли Тургенева, осуществляется преемственность поколений» (10, с. 316).

С позиций философского понимания исторического прогресса Л. Пич утверждал, что каждой определённой исторической эпохе свойственна переоценка всего накопленного предыдущим культурно-историческим этапом развития: настоящего и прошлого, идей и идеалов, опыта старшего поколения и поисков решений молодым поколением старых и вечных вопросов: «Что есть истина?», «В чём смысл бытия?», причём в контексте переосмысления нравственных и эстетических принципов. В такую переломную историческую эпоху живёт тургеневский Базаров, мучительно ищущий ответа на «вечные» философские вопросы. Образ главного героя романа – нового человека, к которому автор отнесся «критически...объективно», посвящена большая часть статьи Л. Пича. Она была призвана «реабилитировать» образ Базарова, воспринятый в России как карикатура на молодое поколение. В письме к другу И.С. Тургенев выразил уверенность в том, что защита Базарова не противоречит убеждению критика, который на протяжении нескольких лет внимательно следил за эволюцией тургеневского романа и его героев, что статья Л. Пича «полностью соответствует истине» (1, П. VIII, с. 38, 340).

В трактовке образа главного героя романа «Отцы и дети» Л. Пич продолжил линию другого немецкого литературоведа и критика Ю. Шмидта, рассматривавшего Ба-

зарова как практического деятеля прогрессивной ориентации. Однако Л. Пич исследует, в первую очередь, онтологическую драму героя «нового времени».

Принимая за абсолют конечные истины естествознания, Базаров впадает в нигилистическое отрицание всех исторических ценностей: культурных, религиозных, нравственных. Его жизненная цель – стремление к идеалу, не допускающему никаких компромиссов. Она приводит Базарова к трагическому разладу – внутреннему и внешнему. С точки зрения нигилизма, трагедия человека здесь видится «не в нём самом, не в его «греховности», «заброшенности в мир», не в его конечности, не в несовершенстве человеческих отношений, а вне его,.. и поэтому надо изменить (или отменить) имеющиеся общественные и культурные формы» (13, с. 569). Нигилизм оказался только формой самовыражения героя, в которой он, однако, прячет своё любящее, тревожное, а порой бунтующее сердце. И.С. Тургенев увидел в Базарове не только отрицателя, но и человека, тоскующего по идеалу, что тонко почувствовал и уловил Ф.М. Достоевский и отразил в статье Л. Пич.

И.С. Тургенев задумывал Базарова как фигуру героическую и трагическую одновременно. В письме к Ф.М. Достоевскому, который наиболее глубоко понял роман, И.С. Тургенев с огорчением писал: «...Никто, кажется, не подозревает, что я попытался в нём представить трагическое лицо – а все толкуют: – зачем он так дурен? Или – зачем он так хорош?» (1, П. IV, с. 385). Такой, трагической, судьбу Базарова понимал и немецкий критик: «Вся эта гордая сила не предохраняет Базарова оттого, что он становится жертвой мрачной ироничной судьбы. Изображение этой судьбы оставляет всё же не менее трагическое впечатление, потому что здесь (как и в большинстве случаев у И.С. Тургенева) напрасно было бы искать то равновесие вины и искупления, которое требует эстетическая теория» (12, с. 166). Базаров, по утверждению Л. Пича, проходит испытания не только в конкретно-историческом, временном, но и в вечном,

онтологическом, и последнее во много стало определяющим.

Сознательно выбрав для себя гордый и одинокий путь, своими активными действиями, по мнению критика, Базаров сам осуществляет свою судьбу. Герой несёт в себе свою гибель. И это есть его трагическая вина. Причина этой трагедии Л. Пичу видится в том, что молодое поколение «в упрямом ощущении собственной, ещё не нарушенной силы забывает о тех двух никогда не свергнутых силах, которые укрощают всё, – о человеческих страстях и судьбах» (12, с. 165). Рок, судьба, как считали древние греки, карает и правого, и виноватого, и людей и богов. Всякий, бросивший вызов судьбе, несёт это наказание. Однако на этом пути «непримирения» Базаров сумел многое постичь, успел прикоснуться к абсолютным ценностям человеческого бытия. Герой порой очень остро, трагически переживает мысль о конечности мира и природы: «А я думаю: я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удаётся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...» (1, Соч. VIII, с. 323). Несмотря на то, что судьба безжалостна, а природа всемогуща и вечна, мысли и чувства Базарова тоже обладают вечной ценностью (Не случайно Достоевский увидел в беспокойстве и тоске героя «признак великого сердца»). Раздумья Базарова о жизни и смерти, смысле человеческого бытия во многом были близки и самому автору романа. По мнению Л. Пича, эти трагические искания, духовное смятение, душевные переживания Базарова понятны не только русскому читателю, они выводят его за пределы конкретно исторического времени и придают ему масштаб общечеловеческий.

Отрицать вечное оказалось напрасным и бессильным. Трагическое в романе (как форма проявления эстетического) превышает меру страдания, горя; вина героя несоизмерима с её искуплением, но в этом заключаются сила и мужество Базарова, раскры-

вающие подлинное величие человеческого духа и деяний. Трагическое в произведении И.С. Тургенева – это сфера осмысления всемирно-исторических противоречий, поиск выхода для человека, оно даёт философское осмысление состояния мира и смысла жизни.

Л. Пич в рецензии к роману И.С. Тургенева, как и Н.Н. Страхов в своей критической статье, увидел метафизическое, глубинное, универсальное содержание произведения, которое осталось не замеченным современниками. Н.Н. Страхов пишет, что И.С. Тургенев «...изобразил жизнь под мертвящим влиянием теории; он дал нам живого человека, хотя этот человек, по видимому, сам себя без остатка воплотил себя в отвлечённую форму». Всё внимание И.С. Тургенева было устремлено на «общие силы жизни», «он <Тургенев> показал нам, как воплощаются эти силы в Базарове, который их отрицает... Базаров – это титан, восставший против своей матери-земли; как ни велика его сила, она только свидетельствует о величии силы, его породившей и питающей, но не равняется с матернею силою» (14, с. 248, 253). Жизнь, с её диалектикой, непререкаемыми постулатами, истиной, победила нигилизм Базарова.

В отличие от Н.Н. Страхова, Л. Пич говорит не о жизни, победившей Базарова-теоретика, а о страстях и судьбе, которым в жизни подчиняется всё, тем самым немецкий критик определяет важность темы иррационального, мистического в человеческой жизни, проходящей через всё творчество И.С. Тургенева (замечание Пича в скобках о большинстве произведений писателя).

Метафизический план романа, по мнению Л. Пича, сближает произведение с «истинной» поэзией, простирающей «тонкими и сдержанными средствами нежное дуновение изменчивого настроения» над фоном, ландшафтом, действиями, героями «Отцов и детей» (12, с. 167). Л. Пич впервые в критике по поводу «Отцов и детей» говорил о двуплановости романа, о гармоническом соединении в нём конкретно-исторического и метафизического, нашедшем своё выражение в поэтике произведе-

ния. И если русская критика (М.А. Антонович, Д.И. Писарев) ставила в упрёк И.С. Тургеневу отсутствие в романе всякой фабулы, то немецкий критик замечает, что она «у Тургенева всегда имеет второстепенное значение». Роман «Отцы и дети», как и другие произведения писателя, при кажущейся их простоте, далее размышляет Л. Пич, «истинны, глубоки и богаты», что читателю доставляют «всё более полное удовлетворение и растущее наслаждение», возвращая его к первоистокам осмысления мира и человека – «к природе, из чистого созерцания и познания которой творения собственно и произошли» (12, с. 167).

В 50-60-е гг. XX в. вокруг романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» среди критиков и литературоведов вновь развернулась широкая дискуссия по философским и эстетическим проблемам, поднятым в произведении. В первом номере «Русской литературы» 1958 г. появилась статья В.А. Архипова «К творческой истории романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»». В ней критик продолжал отстаивать и защищать точку зрения на роман М.А. Антоновича, утверждая, что роман появился в результате сговора Тургенева с Катковым как сделка либерала с реакционером. Отклики на вульгарно-социологическую концепцию статьи Архипова появились в журналах «Русская литература», «Вопросы литературы», «Новый мир», в «Литературной газете». Итоги этой дискуссии, как утверждает П.Г. Пустовойт, были подведены в статье академика Г. Фридендера «К спорам об «Отцах и детях»» и в редакционной статье «Литературоведение и современность» в «Вопросах литературы». Во второй половине двадцатого столетия продолжил возрастать интерес к философской проблематике романа, исследованию мистической стороны творчества И.С. Тургенева. Однако, как пишет С.М. Аюпов, «вопрос о механизме соединения, соотнесения частного, эмпирического (социального, конкретного, логически ясного) и всеобщего, универсального (трансцендентального, природно-вечного, таинственного) в творчестве писателя критиками символической и иной направленности не ставился и не ре-

шался» (5, с. 5). В своей рецензии немецкий критик впервые соединил оба начала – «конкретно-историческое» и «вечное» в романе И.С. Тургенева. Если бы русский читатель и русская критика получили возможность познакомиться со статьёй Л. Пича, в которой была обозначена оппозиция «вечное-историческое» в романе «Отцы и дети» и намечалось рассмотрение этой оппозиции на уровне поэтики произведения, возможно, развитие критической мысли в отношении романа И.С. Тургенева изначально направлено было бы на исследование проблемы «эволюции “вечного и преходящего”» и её эстетического развития внутри художественной системы романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И.С. Полн.собр. соч. и писем: В 28 т. – Соч.: 15 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960-1968. Письма: В 13 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961-1968. В тексте работы сноски приводятся по данному изданию с указанием индекса С. (Соч.), П. (Письма), тома (римск.), стр. (на нем. и рус. яз).
2. Иностранная критика о Тургеневе. – СПб., 1908.
3. Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей» // Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
4. Антонович М.А. Асмодей нашего времени // Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
5. Аюпов С.М. Эволюция тургеневского романа 1856–1862 гг. – Казань: Изд-во казанского ун-та, 2001.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.
7. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. – М., 1994.
8. Водовозова Е.Н. На заре жизни. – М., 1964. – Т.2.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 5.
10. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста. – Тула, 1972.
11. Лебедев Ю.В. Жизнь Тургенева. Всеведущее одиночество гения. – М., 2006.
12. Пич Л. «Отцы и дети» Ивана Тургенева. Авторизованное издание. С предисловием автора. Митава. Издательство Бере // Тур-

- ген. сб. *Материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С.Тургенева.* – М.; Л., 1966. – Т.2.
13. *Современный философский словарь.* – М.: Изд-во «Панпринт», 1998.
14. *Страхов Н.Н. И.С.Тургенев, «Отцы и дети» // Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике.* – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
15. *Шульце-Леман К. Тургенев в переписке Теодора Шторма с Людвигом Пичем // Турген. сб. Материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева.* – М.-Л., 1966. – Т.3.

Об авторе

Минина Светлана Павловна, соискатель кафедры истории русской и зарубежной литературы Ставропольского государственного университета, учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 29 «Гармония» г. Пятигорска, победитель конкурса лучших учителей Российской Федерации в рамках приоритетного национального проекта «Образование».